

Накануне 30-летия со дня смерти Л. Н. Толстого

В Самарском Заволжье

В наше Заволжье Л. Н. Толстой попал случайно: ему нужно было полечиться кумысом. Из многих кумысных мест он выбрал бывшую Самарскую губернию. Было это весной 1862 года. Приехал Толстой не один—его сопровождали слуга Алексей и двое деревенских ребят, учеников яснополянской школы. До Твери Лев Николаевич ехал железной дорогой, а оттуда на пароходе до Самары и дальше, до башкирской деревушки Барлыне (в теперешнем Алексеевском районе), лошаадьми.

Первое знакомство с новыми местами оставило приятное впечатление. «Путешествие я сделал прекрасное, место мне очень нравится, здоровье лучше»,—писал Толстой тетке 27 мая 1862 г. Лечение было внезапно прервано сообщением из Ясной Поляны о жандармском обыске в имении писателя. Узнав об этом, Толстой говорил: «Какое огромное счастье, что меня не было дома! Если бы я был, то теперь, наверно, судился бы как убийца!»

Через девять лет, в июне 1871 года, Лев Николаевич опять едет в Барлык: после усиленной работы над «Войной и миром» он почувствовал недомогание и решил снова прибегнуть к кумысу. На этот раз Толстой живет в Барлыке более месяца и внимательно изучает окружающую обстановку.

«Край здесь прекрасный, — пишет он Фету, — по своему возрасту только что выходящий из девственности, по богатству, здоровью и в особенности по простоте и непосредственности народа. Его влезают и природа, и люди, и весь уклад жизни, патриархальный и примитивный. «Ново и интересно многое: и башкирцы, от которых Геродотом пахнет, и русские мужики, и деревни, особенно прелестные по простоте и доброте народа» (из писем к жене).

Лев Николаевич под влиянием окружающего заметно опроцашается. «Чувствую

себя приходящим в скифское состояние, — сообщает он жене, — и все интересно и ново. Скучи не чувствую никакой...»

«Живем мы в ебитке, пьем кумыс; неудобства жизни привели бы в ужас твое кремлевское сердце: ни кроватей, ни посуды, ни белого хлеба, ни ложек. Так что, глядя на нас, ты бы легче переносила несчастья пережаренной индейки или недосоленного кулича. Но неудобства эти несколько не неприятны...» Общее положительное заключение об окружающем Толстой дает в письме к Фету: «Здесь очень хорошо, и если бы не тоска по семье, я был бы совершенно счастлив здесь».

При таком настроении необычайно быстро осуществляется мысль о покупке земли в этих местах, хотя Софья Андреевна возражала, несмотря на многочисленные хозяйственные доводы мужа. Земля была куплена по семи рублей за десятину у Тучкова, в десяти километрах от с. Патровка (Алексеевский район).

В письмах Толстого к жене много рассыпано коммерческих соображений о выгоде покупки. Но суть не в этом (это много значило для Софьи Андреевны, для ее убеждения и были рассчитаны хозяйственные выкладки), великого писателя «особенно соблазняет — по его словам — простота, и честность, и нравность, и ум здешнего народа». «Ничего похороже нет с нашими ерниками», замечает он. Здесь, в степной глуши Заволжья, Л. Н. Толстой нашел то, к чему его заметно потянуло после 1861 г., чего он не видел в Ясной Поляне. В Заволжье дольше держались старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни. И в отмеченном В. П. Лециным переломе всего мирозерцания гениального художника, который произошел в восьмидесятые годы, не последнюю роль сыграли и впечатления

от пребывания в Самарском Заволжье.

Со времени покупки имения Л. Н. Толстой почти ежегодно начинает посещать наше Заволжье. В 1872 г. он был в новом имении один, посвятив почти все время хозяйственным делам (устройство дома и пр.). В Самаре Л. Н. оставался в услужении у присяжного поверенного Гимрота, который вел дело по покупке земли.

Летом 1873 г. Л. Н. приехал с семьей. Это лето в Поволжье было засушливым, надвигался голод со всеми его ужасами в условиях царской России и единоличного хозяйства. «Проехав по деревням от себя до Бузулука 70 в., — пишет Толстой, — и в другую сторону от себя до Борского 70 в. и еще до Богдановки 70 в., и, заезжая по деревням, я, всегда живший в деревне и знающий близко условия сельской жизни, был приведен в ужас тем, что я видел: поля голые там, где сеяны пшеница, овес, просо, ячмень, лен, так что нельзя узнать, что посеяно, и это в половине июля... Брестяны нигде нет, все уехали искать работы, дома худые бабы с худыми и больными детьми и старики».

Лев Николаевич немедленно приходит на помощь самарским крестьянам, выступив в печати со статьей «Письмо к издателям». На примере с. Гавриловки (сейчас Алексеевского района) великий писатель рисует жуткую картину положения нашего заволжского крестьянства, брошенного на произвол судьбы помещичье-буржуазным правительством.

До этого «Письма» никому и ничего вне Самарской губернии не было известно, что в ней происходит. Есть основания предполагать, что и в самой-то Самарской губернии ничего не знали или не хотели знать, что в ней делается и что ожидает ее население.

Яркая картина положения самарского населения, нарисованная рукою гениального художника, произвела сильное и глубокое впечатление на русское общество. Для большей убедительности Л. Н. лично произвел подробную опись каждого десятого двора в с. Гавриловке, заведительствовал ее потом подписями старшины и священников.

В оказании помощи голодающим Толстой принимал и непосредственное активное участие. Он сам обходил наиболее нуждающиеся крестьянские дворы, помогал беднякам, снабжая их хлебом и деньгами, давая средства на покупку лошадей. Память об этом долго жила среди крестьян Патровки, Гавриловки и других сел того района. После, на основе самарского опыта, Л. Н. развернул огромную работу по борьбе с голодом в страшные для крестьян 1891—1893 годы.

В 1874 г. Толстой приехал в Заволжье с сыном Сергеем, а в 1875 г. — со всей семьей. Писатель не только отдыхал, лечился, но и изучал, наблюдал и, чего не было раньше, мучительно размышлял, сближаясь с местным крестьянством. Какое значение Л. Н. придавал своему пребыванию в пределах нашей области в то время, видно из его письма к Фету: «Надо пожить, как мы жили в самарской здоровой глуши, видеть эту совершающуюся на глазах борьбу кочевого быта (миллионов на громадных пространствах) с земледельческим первобытным, чувствовать всю значительность этой борьбы, чтобы убедиться в том, что разрушителей общественного порядка, если не один, то не более трех скоро бегающих и громко кричащих, что это болезнь паразита живого дуба, и что дубу до них нет дела. Что это не дым, а тень, бегающая от дыма. К чему занесла меня судьба туда (в Самару) — не знаю, я слушал речи в английском парламенте (ведь это считается очень важным) и мне скучно и ничтожно было; но что там — мухи, нечистота, мужики, башкирцы, а я с напряженным уважением, страхом, вслушиваясь, вглядываясь и чувствуя, что все это очень важно».

В это лето для местного населения Л. Н. устроил скачки, которые продолжа-

лись два дня и собрали несколько тысяч народа.

В сентябре 1876 г. Толстой снова приехал в самарское имение, проехав оттуда в Оренбург. В 1878 г., летом, он приезжает со всей семьей и с известным писателем-критиком Н. Н. Страховым.

В 1881 г., приехав в июле с сыном Сергеем, писатель сближается с местными сектантами. Острее, чем раньше, Толстой замечает социальные контрасты. «Много бедности по деревням. И бедность робкая, сама себя не знающая». «На квас не хватает, а у него (графа Орлова-Давыдова, К. С.) 49 тысяч десятин». Во время этого пребывания Л. Н. пробовал писать «Чем люди живы». Вообще же, живя иногда в Заволжье месяцы, Толстой не писал.

В последний раз в пределах нашей области великий писатель побывал в 1883 г. (май—июнь). В это время Толстой стоял уже на позициях патриархального крестьянства. «Мне интересно было себя измерить к здешней жизни, — пишет он Софье Андреевне. — Кажется, я недавно был, а ужасно изменился». Толстой начинает ликвидировать собственное хозяйство. «Скот, лошадей, постройки, — все продаю, и раздаю землю в аренду». Опрошение было в полном разгаре. «Я дичаю все больше; не только не пишу, но ничего не читаю, чулок не надеваю, ни рубашки». На первом месте физическая работа: Л. Н. землемерит, молотит, веет... Около него близкие по духу люди, единомышленники: Ал. А. Вибиков, П. Н. Метелицына. Первый — помещик, раздавший всю свою землю крестьянам и женившийся на крестьянке; самым нормальным трудом он считал земледелие; с 1878 по 1884 г. был у Толстого управляющим. Вторая — тоже помещица, в качестве батрачки работала на хуторе Толстого, чем произвела на него сильное впечатление.

Продолжавшиеся отношения с сектантами, поведение и окружение Толстого вызвали на этот раз подозрение властей. Известен доклад на Толстого рапортом от 13 июля 1883 г., представленный самарским губернатором и составленный уездным исправником Бехтеевым. Лев Никола-

евич относился к этому спокойно. На советы жены быть осторожным он писал: «Пускай доносят. Я избегаю сношений с ними (то-есть с сектантами, К. С.), но, сойдясь, не могу не говорить того, что думаю». Последняя поездка дала писателю, по его словам, «пропасть впечатлений; но именно впечатлений, а не мыслей».

После отъезда Л. Н. в самарском имении занимался сельским хозяйством старший сын писателя, Сергей Львович (с 1884 по 1891 гг.).

В голодный 1892 г. Лев Николаевич командирует в Заволжье для помощи голодающим крестьянам сына Льва и Бирюкова, посылая им часть получаемых пожертвований. Лев Львович и Бирюков прожили около года, борясь с голодом. Они организовали около двухсот столовых, кормивших до 20.000 человек. Интересно отношение к ним местных царских сатрапов. Вот что писал сыну Толстого земский начальник Слободчиков: «Меня крайне опечалило то обстоятельство, что вы изволили открывать столовые в Вилловатской волости... без всякого ведома для меня... Я со своей стороны, как ближайший начальник над Вилловатской волостью, думаю, что открытые вами столовые в этой волости (исключая с. Покровка) ничего, кроме вреда для населения, в смысле усиления праздности, не принесет, с которой потом придется возиться нам же...»

Пребывание в пределах нашей области долго жило в памяти великого писателя. В своем дневнике 19 июня 1896 г. он записал: «Раз выпел на Заказ (название части яснополянского леса, К. С.), и заплакал от радости благодарной за жизнь. Очень живо представляются картины из жизни самарской степи, борьба кочевого патриархального с земледельческим культурным. Очень тянет» (то-есть тянет изобразить эти картины в художественной форме). Под влиянием самарских впечатлений Льву Николаевичу не раз хотелось создать произведение из жизни Самарского Заволжья, но этим намерениям, к сожалению, не суждено было осуществиться.

К. СЕЛИВАНОВ.